

ВЕРНОСТЬ

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

Молдавский драматический театр «Лучафэрул» — из числа тех коллективов, для которых пятнадцать лет работы не означают расставания с молодостью, но при этом дают настоящую зрелость. «Лучафэрул» самобытен и глубок в своих спектаклях; его лучшие работы отличаются большой проблематикой, а стиль носит особый характер, который я назвала бы народным. Разумеется, спектакли театра неравноценны. Не случайно, наверное, самым сильным оказался спектакль «Птицы нашей молодости» Иона Друцэ. Эту пьесу отличает глубокое понимание души народа, жизни народа — в самом прямом смысле слова; в ней ошутима и заразительная сила авторской мысли — свойство настоящей поэзии. В постановке пьесы Друцэ мы обнаружили его единомышленников, так же внимательно относящихся к теме народа. Трактовка режиссера Сандри Иона Шкуря осветила всю глубину замысла автора.

Благодаря этому историю Павела Рэсу, создавшего богатый колхоз из деревни по имени Долина Аистов, мы увидели на фоне размышлений о жизни народа Молдавии, ее истории и поэзии. Режиссер и художник приблизили нас к народно-фольклорным образам, открыв поэтический ход к идеям и идеалам, к существенным для человека темам, среди которых так важна природа, земля и труд.

Художник Ион Пуя трогает своим представлением о том, как прекрасен человек; желанием убедить, что в красоте человека есть родство с птицей. Это сравнение движимо глубоким и немного застенчивым лирическим чувством. Ведь ворота, которые сделал художник на сцене, — это два крыла аиста. Их золотистая, соломенная изнутри, фактура наводит на мысль о кровле деревенского дома. И закрывают они, как и подбавляет крыльям, тельце аиста; это сказочный символический аист, даже таинственный — хранитель и добрый друг человека. И потому все остальные образы, с этим символом связанные, напоминают о доме, воде, колодезе. Словом, вы с трудом отводите глаза от этого поэтического чуда; к тому же его дополняет превосходная музыка Василе Гоя.

Но как ни глубоко эти впечатления, есть в спектакле и самое большое. Это Рэца, которую играет Валентина Избешук. Необычное не определишь привычными эпитетами, поэтому позволю себе сказать, что в творчестве Избешук мы как будто соприкасаемся с подлинной, нетронутой природой театра, с глубокой трагической силой искусства. Трагизм актрисы

окрашен мягким светом любви к человеку и того сочувствия к людским страданиям, которое так часто встречается в народном по духу искусстве, поэзии и литературе.

И от «Земли» Иона Подольну, поставленной тем же Сандри Ионом Шкуря с глубоким пониманием поэзии и правды народного быта, впечатление остается сильное. При всех недостатках, которые таит фрагментарность пьесы, этот рассказ о становлении Молдавии после войны поднимает самое главное. Он говорит не только о том, как приходили люди к признанию плодотворности объединения хозяйств в колхозы, но и о том, почему они увидели высокий смысл в признании новой жизни.

Артист Думитру Карачобану с неотразимой убедительностью открыл в душе крестьянина Агаке тоску о жизни, которая выше сытости, и свое спокойное презрение к жадной психологии собственника. Да, у него может поучиться честный, но слишком нервный Амнару — В. Константи. Поймать то, как надо разбираться в людях; а в этом умении была острая нужда в те трудные годы. Как и Руца, Агаке понимает жизнь в ее первоначальных, исходных процессах. Заметьте, что пьеса названа «Земля» — это не случайно. Вы живете на земле, вы боретесь на ней, вы топчете ее в танце, возделываете ее, — как бы говорит спектакль, — подумайте о том, как должна строиться на ней жизнь ваша, по каким принципам общих отношений.

Снова я назову имя Валентины Избешук — она играет Афинию, бедную крестьянку, отдавшую победу над фашизмом двух сыновей и вопреки свершившемуся все ожидающую встречи с ними. Суть роли в том, что Мать наконец понимает: ее мальчики не вернутся и она напрасно так бережет их пиджаки — они не наденут их к свадьбе — ни к своей, ни к чужой. Поразительно ведется сцена, когда руки Афинии разглаживают каждую складочку одежды сыновей, укладывают, старательно, как бы приговарывая их к последнему сну; и, напевая, мать вносит их в свой опустевший дом, как вносила когда-то маленьких детей.

В одном спектакле есть фраза: «Мы многое делаем на сцене взаправду». Так говорит персонаж пьесы литовской писательницы Дали Урнявичюте «Папашины игрушки». Режиссер-постановщик Сандри Ион Шкуря, очевидно, предполагал придать большое значение этой фразе. Герои

пьесы — актеры; и роли, которые они играют, похожи на них самих. Это не модная «игра в театр». Драматург говорит, что каждый из актеров схож со своим персонажем и биографией, и характером, как реальность схожа с правдивым искусством.

В постановке «Папашиних игрушек» разгадан ее большой социальный пафос, ее исторический драматизм — не потому ли, что сам театр верит в реальность воздействия искусства? Думитру Карачобану здесь играет первую скрипку: партитура его роли сложна, потому что ведет нас в душевный мир, покрытый мраком. Его герой хочет быть добрым Папашей для всех, всем оказывает услуги; он помогает нуждающимся, дарит игрушки плачущим детям. Он хочет купить себе прощение за самый страшный грех — измену своему народу, служение фашизму.

Артист не лишает своего Папашу искренности переживаний и надежды на возрождение, но вместе с тем с диалектической точностью вводит он в эти чувства и свое понимание невозможности искупления такого прошлого. Нет на свете искупления для тех, кто сторожил пылающие печи Освенцима, Вухенвальда, Перчюпписте, Саласпилса, Маутхаузена. Нет такого доброго дела, которое оправдало бы того, кто в мундире полиция сопровождал толпу детей и женщин на страшную казнь.

Папаша приютил несчастных двоих детей, он спас кого-то от гибели — они живут в его доме и едят его хлеб. Но сам в себе этот человек не может найти искупления — вот в чем сила взаправду играющего артиста. Не могут избавиться от ужаса пережитого ни Аня (П. Завтони), которая была крохой на руках матери, ни Гвидас (М. Йорга), который был чуть постарше ее. И к Пани Гете (В. Избешук) не может вернутся свет разума: она умирает, когда видит картину, изображавшую ужас массовых убийств.

Художник Николай Адрианов создает живой и глубоко осмысленный образ, полный трагической и высокой поэзии: дом полон полотен, неясных, как будто затуманенных предполагаемыми планами и образами. И только в страшный час разоблачения преступника на полотнах проявляются лики узников и жертв концлагерей, мучительно глядящих из прошлого...

Конечно, жаль, что не все, показанное в Москве, так же интересно и сильно поставлено, так же тонко и продуман-

но решено. Обидно, когда такие актеры играют без творческого упорства. Да, «Кирица в провинции» — старый спектакль, но он не только стар и неуклюж — он растерял замысел, ради которого была взята пьеса и два талантливых актера — Шкуря и Карачобану — взялись играть женскую роль.

«Кирица в провинции» убеждает, что актеры «Лучафэрул» могут быть заразительно веселы — особенно С. И. Шкуря, П. Завтони, И. Араке-лу и Спиру Харет. Но ведь не надо доказывать, что смех и мысль могут великолепно дополнять друг друга. Хорошо, что режиссер И. Тодоров взял старинную русскую комедию «Недоросль», но только зачем он задал себе задачу все действие решить на предельной неподвижности актеров? Свободно двигается по сцене только Тришка, да и то в фигуре приглашения к танцу, особенно мало уместной, когда перед ним Простакова, собирающаяся ему дать трепку за плохой сшитый кафтан. Если искать причину неудачи, она — в штампе, заранее заданном стилизованном приеме.

Пятнадцать лет назад родился театр в стенах Московского училища имени Щукина: единый курс, художественным руководителем которого была известная вахтанговская актриса Анна Орочко. Студенческая труппа сразу показала себя настоящим, сплоченным, сильным театром. Театр назвали «Лучафэрул», что значит яркая утренняя звезда. Вспоминается, как написал когда-то о них с доброй шутовской Ион Друцэ: «Где-то я видел эти смуглые лица, чем-то родственно мне это своеобразное произношение русских слов... Нет, это не они. Те ребяташки, о которых я вспомнил, — они ведь хлебобашны испокон веков. Те ребяташки — они удивительно послушны и трудолюбивы, но вместе с тем они так застенчивы, что, пожалуй, померли бы от смущения, если выпустить их вот так, на сцене. Антракт. Зал пустеет, и вдруг слышу родную молдавскую речь:

— Лас, ке мерже... (Ничего, сойдет).

Боже ты мой, это-таки они!» Не сомневаюсь: лучшее в этом театре идет от того, что художником не забыт трудовой образ жизни, любовь к земле, которую он пахал, не отброшены все прекрасные, особые, бесценные качества народного характера — трудолюбивого, серьезного, за все душевно ответственного, знающего жизнь не понаслышке — и скромного. Прав Друцэ. Да, это они, конечно.

НИНА ВЕЛЕХОВА.